

BER KOTLERMAN

Bar-Ilan University (Ramat Gan, Israel)

<http://orcid.org/0000-0001-7007-9330>

От прогрессивного представителя литературы на идише до «апологета хасидского прошлого»: краткий роман Переца Гиршбейна с советской литературой конца 1920-х гг

OD PROGRESYWNEGO PRZEDSTAWICIELA LITERATURY JIDYSZ DO „APOLOGETY CHASYDZKIEJ PRZESZŁOŚCI”: KRÓTKA POWIEŚĆ PERETSA HIRSHBEYNA W KONTEKŚCIE SOWIECKIEJ LITERATURY KOŃCA LAT 20. XX WIEKU

Streszczenie: Wiosną 1928 roku w moskiewskim czasopiśmie literacko-artystycznym „Krasnaja Niwa” ukazały się w przekładzie z jidysz na język rosyjski trzy publikacje amerykańskiego prozaika, dramaturga i publicysty Peretsa Hirshbeyna (1879–1948): szkic z życia w Japonii, wrażenia z wizyty na Tahiti i pamflet o Południowej Afryce. Publikacje te miały służyć jako wizytówka przed długim tournée pisarza po ZSRR w latach 1928–1929. Na początku swojej kariery literackiej, urodzony w „strefie osiedlenia”, Hirshbeyn opublikował po rosyjsku kilka swoich sztuk, jednak przez półtora dziesięciolecia po wyjeździe z Imperium Rosyjskiego stracił kontakt z czytelnictwem rosyjskojęzyczną publicznością. Będąc bardziej znanym jako utalentowany dramaturg, i osiągając sukcesy na rosyjskiej scenie teatralnej, teraz zamierzał podtrzymywać w oczach sowieckiej publiczności swoją reputację międzynarodowego publicysty. Jednak już w 1932 roku Wielka Sowiecka Encyklopedia nazwała Hirshbeyna „wyrazicielem nacjonalistycznej burżuazji”, „apologetą chasydzkiej przeszłości” i „piewcą samotnej, zesparowanej inteligencji żydowskiej”.

Słowa kluczowe: Perets Hirshbeyn, „Krasnaja Niwa”, Wielka Sowiecka Encyklopedia

FROM A PROGRESSIVE YIDDISH WRITER TO AN APOLOGIST FOR THE HASIDIC PAST: A BRIEF NOVEL BY PERETS HIRSHBEYN AND SOVIET LITERATURE OF THE LATE 1920S

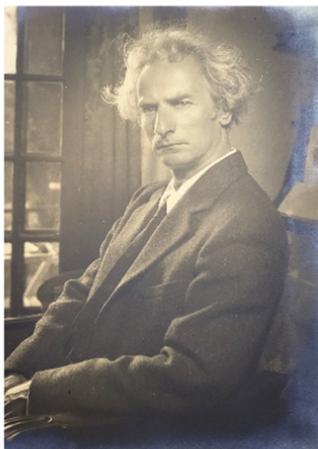
Summary: In the spring of 1928, three publications by American prose writer, playwright, and publicist Perets Hirshbeyn (1879–1948) appeared in the Moscow literary and artistic magazine “Krasnaya Niva,” translated from Yiddish into Russian. These included a sketch of life in Japan, impressions of a visit to Tahiti, and a pamphlet on South Africa. These publications were intended to serve as a calling card before the writer’s extended tour of the USSR in 1928–1929. At the beginning of his literary career, Hirshbeyn, born in the “Pale of Settlement,” published several of his plays in Russian. However, for a decade and a half after leaving the Russian Empire, he lost contact with the Russian-speaking reading public. While better known as a talented playwright and having achieved success on the Russian theater stage, he now intended to maintain his reputation as an international publicist in the eyes of the Soviet public. However, as early as 1932, the Great Soviet Encyclopedia labeled Hirshbeyn “as an exponent of the nationalist bourgeoisie,” an “apologist for the Hasidic past,” and “a singer of the lonely, desperate Jewish intelligentsia.”

Keywords: Perets Hirshbeyn / Peretz Hirshbein, “Krasnaya Niva”, Great Soviet Encyclopedia, Boris Pilnyak, Maxim Gorky, Leonid Andreev, Yiddish Literature.

19 мая 1928 года Москву накрыло солнечное затмение. Впервые приехавший в СССР за несколько недель до этого уроженец местечка Клещели Гродненской губернии (ныне город Клещеле, Kleszczele, Польша) и американский гражданин Перец Гиршбейн (1879–1948) — прозаик, драматург, публицист, один из наиболее своеобразных голосов в новой литературе на идише — наблюдал это явление в группе русских литераторов, встречавших его в столице. Вместе с нахлынувшими воспоминаниями о посещении петербургской квартиры Леонида Андреева в 1907 году в качестве нелегала из черты оседлости затмение навело его на мысли об участии еврейского писателя в царской России, не имевшего права «открыто выйти в общественное пространство со своим языком». Позже, в сборнике путевых заметок о визите в СССР Гиршбейн напишет:

Все мы стояли под той частью солнца, что выскользнула из-под темного диска. Между нами была нормальная атмосфера. Я со своим языком стоял под собственным солнцем. Между нами не было никакого противоречия. Я стоял на своей земле, у своей реки, рядом со мной — мои коллеги...

Я это еще больше почувствовал тем же вечером в клубе литераторов, что в «Доме Герцена», где я встретился с рядом русских писателей и поэтов. Я не был там ни чужим, ни заграничным, а лишь представителем еврейской литературы, их коллегой¹.

Перец Гиршбейн (1879–1948). Фото из семейного архива Рут Саде (Кфар-Саба), внучатой племянницы писателя

Сравнение новой литературной ситуации в СССР с выходом солнца после затмения, то бишь литературной среды царской России, было явным комплиментом встречающей стороне во главе с Борисом Пильняком. На самом деле в дореволюционные «темные времена» Гиршбейн не был совсем уж обделен вниманием русскоязычной публики. В начале своей писательской карьеры он публиковался как на идише, так и по-русски: в 1908 году в Одессе вышли в свет две его книжки драматургического плана — *Одинокие миры* и *Земля*². Сотрудничество с тем же

¹ P. Hirshbeyn, *F.S.S.R., Zibn teg*, Vilna 1936, p. 25.

² П. Гиршбейн, *Одинокие миры*, пер. А. Брумберг и Л. Тривуш, Издательское бюро, СПб 1908; *Земля: пьеса в трех актах*, пер. Лионеля, Всемирная библиотека, Одесса 1908.

Андреевым и публикация в андреевском литературном сборнике «Шиповник» год спустя его символистской драмы *Обручение* (в оригинале *Ткиес-каф*)³ сделали ему имя в русском театральном мире.

В эти же годы Гиршбейн создал в Одессе первый в своем роде репертуарный театр на идише, который объехал с гастролями все крупные центры российской «черты оседлости» и даже побывал за ее пределами, однако был внезапно закрыт по распоряжению властей. Разочарованный Гиршбейн покинул Россию в самом начале 1914 года и через Вену, Париж, Лондон, Ливерпуль и Нью-Йорк отправился в странствия по Южной Америке, Океании, Африке и Азии. Эти странствия, растянувшиеся более чем на 15 лет, он детально описал в многочисленных путевых заметках в стиле «больших» литераторов, что принесло ему славу загадочного «летучего голландца» литературы на идише⁴.

За прошедшие годы после отъезда из России он практически потерял связь с русскоязычным читателем, пока весной 1928 года в московском литературно-художественном иллюстрированном журнале «Красная нива», еженедельном приложении к газете «Известия», не были опубликованы в переводе на русский язык один за другим три его очерка. Первым стал очерк из японской жизни *С опущенными ресницами*⁵, затем отрывок из тихоокеанских впечатлений *Таити*⁶ и под конец — эмоциональный памфлет о расовой проблематике Южной Африки *Дети Африки*⁷.

Судя по всему, эти публикации должны были послужить визитной карточкой писателю, собиравшемуся впервые посетить Советский Союз⁸. Почти за два года до этого он поведал о своих планах тогдашнему председателю Всероссийского союза писателей Борису Пильняку, с которым познакомился весной 1926 года в Японии⁹. Пильняк, глубоко пораженный

³ П. Гиршбейн, *Обручение*, «Шиповник» 1909, XI, с. 65–109.

⁴ M. Arnshteyn, *A retenish*, "Literarische bleter" 08.04.32, p. 234.

⁵ П. Гиршбейн, *С опущенными ресницами*, «Красная нива» 1928, № 10, с. 10–11.

⁶ П. Гиршбейн, *Таити*, там же, № 25, с. 10–11.

⁷ П. Гиршбейн, *Дети Африки*, там же, № 26, с. 12–13.

⁸ О визите Гиршбейна в СССР см. G. Estraikh, *From "Green Fields" to "Red Fields": Peretz Hirschbein's Soviet Sojourn, 1928–1929*, "Jews in Russia and Eastern Europe" 2006, vol. 56, pp. 60–81.

⁹ О визите Пильняка в Японию см. K. Clark, *Boris Pilniak and Sergei Tretiakov as Soviet Envoys to China and Japan and Forgers of New, Post-Imperial Narratives (1924–1926)*, "Cross-Currents: East Asian History and Culture Review" 2018, vol. 7, no. 2, pp. 423–448; Dani Savelli, *Boris Pilniak, une figure essentielle des relations culturelles soviéto-japonaises (1926–1937)*, "Ebisu — Études Japonaises" 1999, vol. 20, pp. 73–108 и *L'exotisme impossible. (De Pierre Loti, de l'image du Japon et de l'autocensure dans Pierres et racines de Boris Pilniak)*, "Slavica Occitania" 2006, vol. 22, pp. 493–514.

образом жизни Гиршбеина («у него нет дома... дом его сложен в чемоданы»¹⁰), принял самое непосредственное участие в подготовке его приезда и даже посвятил ему трогательный рассказ «Олений город Нара»¹¹, обыграв в названии «оленью» фамилию писателя (Гиршбеин – оленья кость на идише).

Гиршбеин, конечно же, был не первым еврейским писателем выходцем из царской России, отправившимся собственными глазами взглянуть на Советский Союз. До него там уже побывали поэты Морис Винчевский (в 1924 г.) и Г. Лейвик (в 1925 г.), публицисты Гина Медем (в 1926 г.) и Авром Каган (в 1927 г.), прозаики Шолом Аш и Йосеф Опатошу (оба в 1928 г., параллельно с Гиршбеином) и ряд других деятелей еврейской культуры¹². Так называемая советская общественность принимала их по-разному — от холодной отчужденности и критики до при-

Перец Гиршбеин (слева) и Борис Пильняк, Токио, 1926 г. Фото из архива Гиршбеина, Институт ИВУ, Нью-Йорк

своения имени литератора учреждениям (именем Винчевского была названа Центральная республиканская еврейская библиотека в Киеве). Как бы то ни было, приезд еврейских писателей из-за границы был обычно инициирован советскими еврейскими литературными кругами. Гиршбеин оказался чуть ли не единственным еврейским писателем (не считая Аша, приехавшего по личному приглашению Максима Горького), которого пригласила группа русских литераторов. Судя по всему, идея обеспечить ему достойный прием

в СССР через публикации в солидных литературных изданиях возникла при знакомстве с Пильняком, однако на ее осуществление потребовалось почти два года.

Очерк Гиршбеина из японской жизни *С опущенными ресницами*, ставший его первой советской публикацией, вышел в переводе известного шанхайского публициста, политэмигранта из царской России Элиазара Магарам¹³. Гиршбеин лич-

¹⁰ Б. Пильняк, *Олений город Нара // Расплетенное время*, Советский писатель, Москва 1990, с. 63.

¹¹ Б. Пильняк, *Олений город Нара*, «Новый мир» 1927, 3, сс. 58–64.

¹² Подробно о посещении СССР американскими еврейскими деятелями культуры, см. D. Soyfer, *Back to the Future: American Jews Visit the Soviet Union in the 1920s and 1930s*, “Jewish Social Studies” 2000, vol. 6, no. 3, pp. 124–159.

¹³ Элиазар (Эли) Магарам (1899–1962) — литератор, журналист, издатель. Жил в Европе, писал для швейцарских изданий, затем сотрудничал в Одессе с эсеровскими газетами, был секретарем ре-

но передал несколько своих очерков Магараму для перевода в Китае, куда в июне 1926-го направился из Японии Пильняк, а в августе к нему присоединились и Гиршбейн с супругой поэтессой Эстер Шумячер (1896–1985). До лета 1926 года Магарам редактировал ежедневную русскоязычную газету в Шанхае «Новая Шанхайская Жизнь», а затем вернулся в СССР. Магарам поддерживал связи с рядом советских литературных журналов. Именно благодаря этим связям японское эссе Гиршбейна и попало на страницы еженедельника «Красная нива», о чем свидетельствует корреспонденция, сохранившаяся в нью-йоркском архиве Гиршбейна¹⁴. Магарам перевел еще два эссе, которые он отправил в другие издания, но никаких следов этих публикаций до сих пор не обнаружено. Примечательно, что и очерк *С опущенными ресницами*, принятый к печати в конце 1926 года, был опубликован только через полтора года, вероятно, после вмешательства Пильняка — накануне приезда Гиршбейна в СССР.

Как и в случае с другими заграничными деятелями культуры, визит Гиршбейна должен был получить одобрение Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), которое координировало культурные контакты с зарубежными писателями, деятелями культуры и интеллигенцией¹⁵. Видимо, в процессе оформления планов Гиршбейна посетить Советский Союз одного очерка показалось мало. В перевод были отосланы еще два очерка — на этот раз другому переводчику (который предпочел подписаться инициалами И.А.), опубликованные, как уже было упомянуто, в той же *Красной ниве* практически сразу после приезда Гиршбейна в Москву. Попадание в «список иностранных журналистов и ученых» ВОКС помогло на этот раз не откладывать эти публикации надолго.

Помимо этого, Гиршбейн связался с московским литератором Ароном Гурвичем, который взялся за перевод на русский путевых заметок из Индии и Бирмы, а также с переводчиком на украинский язык Эфраимом Райциным — для перевода тихоокеанско-южноафриканской травелогии, изданной в ориги-

дакции газеты «Знамя революции», органа Совета депутатов Западной Сибири в Томске. Позже уехал в Харбин, а затем в Шанхай, где редактировал газету «Новости Шанхая». Издатель литературных альманахов *Дальний Восток* (1920), *Желтый лик* (1921) и *Китай* (1923). В 1925–1926 гг. редактор газеты «Новая Шанхайская Жизнь» (“The New Schanghai Life: The Foremost Russian Daily in the Far East”). Вернулся в СССР, работал в Институте почвоведения в Минске, дважды был арестован (1938–1940, 1949–1956).

¹⁴ См. письма Магараму Гиршбейну за 14 и 28 января 1927 г., *Papers of Peretz Hirschbein*, YIVO Institute for Jewish Research, RG 833, box 25.

¹⁵ См. Г. Хиллиг, *“Войо-Нова” в Крыму. Забытая сельхозкоммуна (кубуц)*, Institut für Erziehungswissenschaft, Marburg 2005, с. 31, сн. 75.

Обложка книги Гиршбейна *Вокруг света* на украинском языке, Харьков, 1929

нале на идише незадолго до этого в Нью-Йорке¹⁶. Оба этих проекта были реализованы с завидной скоростью: в 1929 году Государственное издательство Украины выпустило в Харькове сборник *Навколо світу* [*Вокруг света*]¹⁷, а год спустя в московско-ленинградском Государственном издательстве (ГИЗ) вышел сборник *Снопь молчання (Индия)*¹⁸. Сегодня можно только удивляться той оперативности, с которой Гурвиц и Райцин перевели довольно объемные книги Гиршбейна на русский и украин-

ский языки. В то же время одна деталь осталась скрытой от советского и, в частности, украинского читателя. Речь идет о тотальной цензуре всего, что касается еврейской тематики, так волновавшей Гиршбейна даже в самых экзотических уголках планеты. В этом плане работа Райцина представлена именно как «вільний переклад», то есть вольное, адаптированное переложение на украинский язык, а не как перевод, близкий к оригиналу. Трудно сказать, было ли это работой цензора или решением руководства издательства, но в результате трогательные встречи писателя с евреями выходцами из России и Польши в новозеландском Веллингтоне, его ностальгические беседы с единственным еврейско-польским жителем острова Раротонга в южной части Тихого океана, его проникновенные рассуждения о судьбах еврейских детей-сирот из Украины и их родном идише в Южной Африке — абсолютно все это осталось за пределами украиноязычной публикации 1929 года¹⁹.

Гиршбейн подписал контракт с еще одним московским издательством — «Молодая гвардия», также на издание путевых заметок²⁰, скорее всего, русскоязычного варианта *Вокруг света* (под двумя последними очерками в «Красной ниве» так

¹⁶ P. Hirshbeyn, *Iber der velt (rayze-ayndrukhn)*, 1920–22, Literatur, New-York 1927.

¹⁷ П. Гиршбейн, *Навколо світу*, вільний переклад з єврейської Е. Райцина, Державне видавництво України, Харків 1929.

¹⁸ П. Гиршбейн, *Снопь молчання (Индия)*, пер. А.В. Гурвича, Гос. изд-во, Москва–Ленинград 1930. Основой для этого перевода послужила рукопись изданной в Вильне книги Perets Hirshbeyn, *Indie (fun mayn rayze in indie)*, Kletskin, Vilna 1929.

¹⁹ Подробнее о цензуровании этой книги см. Б. Котлерман, «Навколо світу» Переца Гиршбейна: об одном «вольном» переводе с идиша на украинский, «Хадашот», 15.02.2022.

²⁰ Об этом см. В. Smolyar, *Perets hirshbeyn in moskve*, «Literarishe bleter», 15.06.1928, p. 459.

и помечено: из книги *Вокруг света*). Два дополнительных договора он подписал в июне 1928 года с харьковским отделением Центрального издательства народов СССР («Центриздат») для публикаций путевых заметок на идише и украинском языке²¹.

Иными словами, Гиршбейн, будучи больше известен как талантливый драматург и достигший в таком качестве русской и еврейской театральной сцены²², теперь был намерен поддерживать в глазах читающей по-русски публики свое реноме именно как публицист-международник²³. На этом фоне интересен отбор его эссе для «Красной нивы»: если первый, японский, очерк был связан со знакомством с Пильняком именно в Японии и с их общим интересом к японской культуре, то два последующих очерка, *Taumi* и *Дети*

Обложка одного из номеров журнала «Красная нива» за 1928 год

Африки, ни к тому, ни к другому никакого отношения не имели. В общем и целом, все эти публикации, включая и будущие книги, максимально очертили впечатляющую «интернациональность» Гиршбейна: от полумифических тихоокеанских укромных уголков и волнующих воображение южноафриканских пейзажей — до классического ориентализма японских островов и киплингского индийско-бирманского экзотизма. Впрочем, и ориентализм, и экзотизм Гиршбейна, которые с тем же успехом могли представлять и десятки других его путевых заметок — южноамериканских, австралийских, мексиканских, китайских, — носили весьма условный характер. При приближенном взгляде на три вышеупомянутых очерка Гиршбейна

²¹ См. «Договор № 293», *Papers of Peretz Hirschbein*, YIVO Institute for Jewish Research, RG 833, box 20, folder 316.

²² Всероссийское общество драматических писателей и композиторов продолжало выплачивать Гиршбейну гонорары с 1909 года по крайней мере до 1926 года. См. *Переписка с учреждениями и авторами*, РГАЛИ, ф. 675, оп. 3, ед. хр. 26.

²³ Об издательских планах Гиршбейна в СССР, см. В. Kotlerman, *Gauguin und Anti-Gauguin: Völker und Länder mit den jiddischen Augen des Peretz Hirschbein gesehen*, in: *Wege der Germanistik in transkultureller Perspektive*, Peter Lang Publishers, Berlin – Bruxelles – Lausanne – New York – Oxford 2022, vol. 7, pp. 591–600.

вырисовывается их общий знаменатель. Это, прежде всего, их острая антиколониальная направленность в духе коминтерновской «пост-империалистической» концепции 1920-х годов, проводником которой, среди прочих, был сам Пильняк²⁴, и которой последовательно придерживался журнал «Красная нива», уделявший непропорционально большое внимание культурной жизни как Востока (в самом широком понимании этого слова), так и различных колоний по всему миру.

Катерина Кларк из Йельского университета резюмировала эту концепцию как некий сложный обмен «знаниями» и культурой:

Советские читатели должны были получать «правдивую информацию» о странах Дальнего Востока. А читатели в Восточной Азии, в свою очередь, должны были получить «правдивую» информацию о Советском Союзе. При этом азиатская сторона также должна была получить «правдивую» информацию о себе от Советского Союза: во имя «новой» культуры, которая должна была стать мостом между Востоком и Западом, Советский Союз стремился создать свое собственное, «новое», пост-империалистическое прочтение Востока²⁵.

В этом контексте Гиршбейн прекрасно вписывался в раннесоветский нарратив «пробуждения трудящихся масс». Так, в *Опущенных ресницах* он предрекает грядущее, «словно тайфун», изменение жизненного уклада японского общества, в *Таити* — «почва... опять задрожит, и огонь, что отдыхает в глубинах, опять проложит себе дорогу через остывшие, засыпанные кратеры — и, быть может, тогда вновь проснутся потухшие кровь и чувства у детей полинезийского племени...», а в *Детях Африки* он искренне ностальгирует по тем временам, «когда великий вождь стоял во главе племени и боевым кличем горячил кровь зулуса...»

Помимо этого, все три очерка посвящены униженному положению женщин — как выражению отжившей традиции (Япония), так и результату французского (Таити) и британско-бурского (Южная Африка) колониализма. В определенной мере эта тенденция также совпала с подробно описанной Кларк раннесоветской борьбой с «колониалистскими выдумками» в стиле популярного французского романиста Пьера Лоти²⁶,

²⁴ См. K. Clark, *Boris Pilniak and Sergei Tretiakov as Soviet Envoys to China and Japan and Forgers of New, Post-Imperial Narratives (1924–1926)*, "Cross-Currents: East Asian History and Culture Review" 2018, vol. 7, no. 2, pp. 423–448.

²⁵ K. Clark, *Eurasia Without Borders: The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*, Harvard University Press, Cambridge, MA and London, England 2021, p. 196.

²⁶ Там же, с. 71.

олицетворявшего квинтэссенцию романтического и в большой мере потребительского экзотизма европейцев по отношению к женщинам Востока²⁷. При этом Гиршбейн выводит на первый план другого француза-романтика — Поля Гогена (увлеченного в свое время романом Лоти *Tahiti: Женитьба Лоти*). Именно картины Гогена послужили основой экфрасисной, т.е. яркой визуальной дескриптивности²⁸ как очерка *Tahiti*, так и многих других путевых заметок Гиршбейна²⁹.

«Революционный космополитизм» Гиршбейна нашел горячий отклик у принимавшей его в Москве группы русских литераторов. В своих заметках о проведенных днях в Москве, куда он прибыл 28 апреля 1928 г.³⁰, Гиршбейн упоминает несколько имен этих литераторов — представителей «старшего поколения», начавших писать еще до революции и, по его словам, все еще «дышащих традицией, хотя традиция теперь стала крамоллой»³¹. Помимо Бориса Пильняка, это были литературный критик и прозаик, редактор литературного ежемесячного журнала «Красная новь» (не путать с еженедельником «Красная нива») Александр Воронский (1884–1937), детский писатель, основатель первого театра для детей в Москве Николай Огнёв (Михаил Розанов, 1888–1938) и др. Речь идет об активистах литературной группы «Перевал» под руководством Воронского — одного из наиболее заметных советских литературных объединений 1920–х гг., открыто противостоявшего так называемым пролетарским писателям³². Отзвуком борьбы с последними и стало упоминание Гиршбейном в контексте бесед с этими литераторами традиции в качестве «крамолы».

Незадолго до приезда Гиршбейна Воронского исключили из партии, а Пильняк подвергся остракизму за свою *Повесть непогашенной луны* и был отстранен от участия почти во всех литературных журналах, но времена все еще были довольно вегетарианские, и теплый прием, оказанный Гиршбейну «перевальщиками» однозначно повлиял на отношение к нему на «еврейской улице» Москвы³³. Поначалу, по словам очевидца,

²⁷ K. O'Connor, *Introduction*, in: Pierre Loti, *Tahiti: The Marriage of Loti*, trans. Clara Bell, Kegan Paul, New York 2002.

²⁸ R. Webb, *Ekphrasis, Imagination and Persuasion in Ancient Rhetorical Theory and Practice*, Ashgate, Surrey, England 2009.

²⁹ См. Kotlerman, *Gauguin und Anti-Gauguin*...

³⁰ P. Hirshbeyn, *F.S.S.R.*..., p. 15.

³¹ Там же, с. 21.

³² О «Перевале» см. W. Kasack, *Pereval*, in: *Dictionary of Russian literature since 1917*, Columbia University Press, New York 1988, pp. 301–302. Пильняк официально в членах этой группы не числился.

³³ См. G. Estraikh, *From "Green Fields" to "Red Fields"*...

там «отнеслись к нему сдержанно-приветливо, но не слишком дружелюбно, однако с каждым днем это отношение становилось все более теплым и менее официальным, а особое отношение к еврейским писателям из буржуазных стран и вовсе исчезло»³⁴.

Теплый прием, особенно среди русских писателей, вселил в американского идишиста надежду на плодотворное сотрудничество. Вспоминая свое нелегальное пребывание в Петербурге в 1907 году, Гиршбейн не переставал удивляться атмосфере национального и языкового равенства, как он тогда считал, в обновленной стране, упразднившей старую Россию. Как он писал в своей книге *S.C.S.P.*, «концепции 'Россия' больше не существует. Большевики разрушили ее. Теперь есть Советский Союз. В этот союз входит [наравне с другими — БК] и русский народ»³⁵. Судя по всему, такое положение дел сохранялось вплоть до выхода в свет индийской травелогии Гиршбейна в начале 1930 г. по-русски в Москве, а также ее идишской версии в Харькове³⁶ — уже после отъезда Гиршбейна из СССР. Неожиданно резкая реакция на эту книгу со стороны живого классика советской литературы Максима Горького, видимо, привела к падению «акций» Гиршбейна. Горький, живший тогда в итальянском Сорренто, получил эту книгу в подарок от переводчика Гурвича, в сопровождении посвящения по-немецки («*Dem Echt'n, Echt'n Mensch und Künstler Alexej Maximowitsch Gorki mit Liebe A.W. Hurwitz. Moskwa Frühling 1930*») ³⁷ и сразу же осудил как перевод, так и само содержание. В ответном письме Гурвичу он назвал эту книгу «весьма поверхностной и не вносящей ничего нового в наши представления об Индии, индусах»³⁸. В письмах же председателю правления «Госиздата» Артемию Халатову Горький позволил себе откровенное хамство: «гнусной безграмотностью переводчик уснастил всю книгу, кстати сказать, — совершенно не интересную и даже глуповатую. Крайне печально, что такая книга и в таком идиотском переводе могла быть напечатана Государственным из-вом», а месяц спустя снова вернулся к этой теме: «Сильно огорчен изданием дурацкой книги Гиршбейна 'Снопы молча-

³⁴ B. Smolyar, *Perets hirshbeyn in moskve...*, p. 459.

³⁵ P. Hirshbeyn, *F.S.S.R...*, p. 19.

³⁶ P. Hirshbeyn, *Garbn fun shtilshvaygn (fun mayn rayze in indye)*, Tsentrarlag, Moskve–Kharkov–Minsk 1930. Пометки на полях хранящихся в архиве YIVO машинописных статей о Японии также свидетельствуют о подготовке к изданию книги о Японии, которая так и не увидела свет.

³⁷ М. Горький, *Полное собрание сочинений*, т. 19, Наука, Москва 2017, с. 841.

³⁸ Там же, с. 371.

ния'. Кто это у Вас 'старается'?»³⁹

Гиршбейн провёл в СССР около года, в том числе 10 месяцев среди еврейских переселенцев в различных еврейских сельскохозяйственных колониях Южной Украины и Северного Крыма, по большей части в крымском селе Агай (ныне Чехово). Сразу после возвращения он опубликовал свои крымские впечатления в виде путевых заметок под названием *Шварцбрух (Черная земля)*⁴⁰. Судя по сдержанному, некритичному тону этих заметок, они предназначались и для публикации в СССР, но этого не произошло. Не дошли до советского читателя и две другие «советские» книги Гиршбейна — *Ф.С.С.Р. (С.С.С.Р.)*⁴¹ и двухтомный роман о жизни еврейских переселенцев в Крыму *Ройте фельдер [Красные поля]*⁴², хотя последний был переведен на русский язык ленинградским переводчиком, литературным критиком и поэтом Давидом Выготским (1893–1943) и, вероятно, предложен для публикации издательству «Художественная литература», где Выготский работал в 1934–1938 гг.⁴³

Обе эти публикации вышли в свет в оригинале в середине 1930х гг., когда налицо уже были все признаки того, что дальнейшее сотрудничество Гиршбейна с какими бы-то ни было советскими литературными кругами практически невозможно — прежде всего в свете общей смены курса на «литературном фронте» как по отношению к «западным» писателям вообще, так и к еврейским в частности, заметно охладевшим к СССР после хевронских событий 1929 года. Однако еще до этого авторитетное мнение Горького охладило пыл издательства «Молодая гвардия» и харьковского отделения Центриздата, подписавших контракты на издание так и не увидевших свет сборников путевых заметок Гиршбейна на русском и украинском языках. А в вышедшей в 1932 году обзорной статье *Еврейская литература в Большой советской энциклопедии* московский профессор литературы Исаак Нусинов уже записал Гиршбейна в «выразители националистической буржуазии и мелкой буржуазии», «апологеты хасидского прошлого» и «певцы одинокой отчаявшейся еврейской интеллигенции»⁴⁴.

³⁹ Там же, с. 282, 296.

⁴⁰ P. Hirshbeyn, *Shvartsbrukh: tsen khadoshim mit di yidishe ibervanderer in ratnfarband*, Kletskin, Vilna 1930.

⁴¹ P. Hirshbeyn, *F.S.S.R.*...

⁴² P. Hirshbeyn, *Royte felder*, I–II, Astoria Press, New York 1935.

⁴³ В.Е. Кельнер, *Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX – начала XX в.*, Российская национальная библиотека, СПб 2003, с. 181. См. также рецензию Выготского на роман, где он предложил опубликовать его сокращенную версию: G. Estraikh, *From "Green Fields" to "Red Fields"...*, pp. 80–81.

⁴⁴ И. Нусинов, *Еврейская литература*, in: *Большая советская энциклопедия*, т. 24, ОГИЗ, Москва 1932,

Эти сочные ярлыки начисто стерли и дружеское отношение к Гиршбеину со стороны официальных еврейских литературных кругов в СССР, и его тщательно выстраиваемый имидж прогрессивного писателя-путешественника всемирного масштаба.

Библиография

- Arnshteyn M., *A retenish*, "Literarishe bleter" 08.04.32, p. 234.
- Clark K., *Boris Pilniak and Sergei Tretiakov as Soviet Envoys to China and Japan and Forgers of New, Post-Imperial Narratives (1924–1926)*, "Cross-Currents: East Asian History and Culture Review" 2018, vol. 7, no. 2, pp. 423–448.
- Clark K., *Eurasia Without Borders: The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*, Harvard University Press, Cambridge, MA and London, England 2021.
- Estraikh G., *From "Green Fields" to "Red Fields": Peretz Hirschbein's Soviet Sojourn, 1928–1929*, "Jews in Russia and Eastern Europe" 2006, vol. 56, pp. 60–81.
- Hirshbeyn P., *F.S.S.R.*, Zibn teg, Vilna 1936.
- Hirshbeyn P., *Garbn fun shtilshvaygn (fun mayn rayze in indye)*, Tsentrfrlag, Moskve–Kharkov–Minsk 1930.
- Hirshbeyn P., *Iber der velt (rayze-ayndrukhn)*, 1920–22, Literatur, New-York 1927.
- Hirshbeyn P., *Indie (fun mayn rayze in indie)*, Kletskin, Vilna 1929.
- Hirshbeyn P., *Royte felder*, I–II, Astoria Press, New York 1935.
- Hirshbeyn P., *Shvartsbrukh: tsen khadoshim mit di yidishe ibervanderer in ratnfarband*, Kletskin, Vilna 1930.
- Kasack W., *Pereval*, in: *Dictionary of Russian literature since 1917*, Columbia University Press, New York 1988, pp. 301–302.
- Kotlerman B., *Gauguin und Anti-Gauguin: Völker und Länder mit den jiddischen Augen des Peretz Hirschbein gesehen*, in: *Wege der Germanistik in transkultureller Perspektive*, Peter Lang Publishers, Berlin–Bruxelles–Lausanne–New York–Oxford 2022, vol. 7, pp. 591–600.
- Loti P., *Tahiti: The Marriage of Loti*, trans. Clara Bell, Kegan Paul, New York 2002.
- Savelli D., *Boris Pilniak, une figure essentielle des relations culturelles soviéto-japonaises (1926–1937)*, "Ebisu — Études Japonaises" 1999, vol. 20, pp. 73–108.
- Savelli D., *L'exotisme impossible. (De Pierre Loti, de l'image du Japon et de l'autocensure dans Pierres et racines de Boris Pilniak)*, "Slavica Occitania" 2006, vol. 22, pp. 493–514.
- Smolyar B., *Perets hirshbeyn in moskve*, "Literarishe bleter", 15.06.1928, p. 459.
- Soyer D., *Back to the Future: American Jews Visit the Soviet Union in the 1920s and 1930s*, "Jewish Social Studies" 2000, vol. 6, no. 3, pp. 124–159.
- Webb R., *Ekphrasis, Imagination and Persuasion in Ancient Rhetorical Theory and Practice*, Ashgate, Surrey, England 2009.
- Гиршбейн П., *Дети Африки*, «Красная нива» 1928, № 26, сс. 12–13.
- Гиршбейн П., *Земля: пьеса в трех актах*, пер. Лионеля, Всемирная библиотека, Одесса 1908.
- Гиршбейн П., *Наволо світу*, вільний переклад з єврейської Е. Райцина, Державне видавництво України, Харків 1929.
- Гиршбейн П., *Обручение*, «Шиповник» 1909, XI, с. 65–109.
- Гиршбейн П., *Одинокие миры*, пер. А. Брумберг и Л. Тривуш, Издательское бюро, СПб 1908.

- Гиршбейн П., *С опущенными ресницами*, «Красная нива» 1928, 10, сс. 10–11.
- Гиршбейн П., *Сноп молчания (Индия)*, пер. А. В. Гурвича, Гос. изд-во, Москва-Ленинград 1930.
- Гиршбейн, *Таити*, «Красная нива» 1928, 25, сс. 10–11.
- Горький М., *Полное собрание сочинений*, т. 19, Наука, Москва 2017.
- Кельнер В., *Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX – начала XX в.*, Российская национальная библиотека, СПб 2003.
- Котлерман Б., «Навколо світу» Переца Гиршбейна: об одном “вольном” переводе с идиша на украинский, «Хадашот», 15.02.2022.
- Нусинов И., *Еврейская литература // Большая советская энциклопедия*, т. 24, ОГИЗ, Москва 1932.
- Пильняк Б., *Олений город Нара // Расплеснутое время*, Советский писатель, Москва 1990.
- Пильняк Б., *Олений город Нара*, «Новый мир» 1927, 3, сс. 58–64.
- Хиллиг Г., «Войо-Нова» в Крыму. Забытая сельхозкоммуна (кибуц), Institut für Erziehungswissenschaft, Marburg 2005.